

О.В. Кириченко

**Теоретические подходы И.В. Власовой
в исследованиях этнической истории и культуры русского народа**

Резюме: В статье рассматриваются основные теоретические подходы в научных исследованиях заслуженного деятеля науки РФ Власовой И. В., ее вклад в создание будущей отечественной этнометодологической школы, а также основные труды.

Ключевые слова: историческая этнография, методология, научные, теоретические подходы

Ирина Владимировна Власова, выдающийся ученый, смогла состояться в тот период советской науки, когда ослабло идеологическое давление, и для ученых-гуманитариев появилась возможность работать не только строго в русле марксистско-ленинской методологии, но и в некоем свободном творческом полете. Свободу чувствовать и видеть по-новому принесла, прежде всего, победа народа в Великой Отечественной войне, позволившая многим раскрепоститься от идеологии и узости понимания жизненных задач. Духом Победы, несомненно, были напитаны многие ученые послевоенного поколения. Сам институт этнографии, основанный после войны, в лице его директора С. П. Толстова, ориентировал сотрудников на широкое, комплексное изучение проблем. Как отметил В. А. Александров, суть этого подхода заключалась в следующем: «Директор института Сергей Павлович Толстов, фактически его создавший, свою научную работу подчинил, прежде всего, историко-этнографическому аспекту при комплексном привлечении всего многообразия разнотипных источников. Он стремился органично сочетать данные археологии, этнографии, лингвистики, истории, фольклора и антропологии, и этот принцип научного подхода им был положен в основу структуры института» (Александров, 1998; 56).

В институт пришло много интересных людей из разных гуманитарных сфер. Первый научный руководитель Ирины Владимировны Михаил Васильевич Витов познакомил ее с географическим подходом в исследовании территории этнического заселения¹. Совместно с ним Ирина Владимировна выпустила свою первую монографию «География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII в.» (М.: Наука, 1974). М. В. Витов, будучи историком, опираясь на привлечение антропологических данных, дал

¹ См. его работы: Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья. М., 1964; Он же. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. №6.

пример, использования данных других наук для получения важной исторической информации. Именно он выделил на Русском Севере три этнических компонента, которые стало возможно далее объективно описывать и расшифровывать (Дмитриева 2006: 6). Несомненно, многое И. В. Власова почерпнула от общения с крупным вологодским историком П. А. Колесниковым и с его трудами (Колесников, 1976). Его подход — при изучении истории заселения Севера учитывать «своеобразие хозяйственных комплексов северных деревень и особенности крестьянского землепользования» (Русский Север, 2001: 161) — И. В. Власова также взяла за основу и включила в свой теоретический арсенал.

Второй ее крупной удачей была встреча с замечательным историком В. А. Александровым, работающим, скорее, в классическом историческом ключе (как ученик М. Н. Тихомирова), чем в этнографическом. Впрочем, сам В. А. Александров был вполне доволен союзом этнографии и истории, потому что такое взаимодействие только обогащало его возможности как историка. От В. А. Александрова к И. В. Власовой пришли особое понимание работы со старинным архивным источником и вообще необходимость фундаментально нагружать текст архивным материалом. Но самое главное, В. А. Александров, дал почувствовать молодой, но уже серьезной исследовательнице вкус к настоящему, живому делу общего, системного порядка, к тому, что еще только брезжило впереди, но не могло реализоваться. Мне кажется, тот выдающийся и прорывной труд (для всего Отдела русского народа и Института, да и в целом — всей постсоветской русской этнографии) — «Русские», который В. А. Александров успел разработать, но не успел реализовать, — он делал во многом «под Власову», поскольку уже тогда появились ее серьезные труды о северном регионе России, была защищена докторская диссертация², где также был частично апробирован ее будущий коронный подход — описание заселения и хозяйственного освоения территории, как этнического пространства. Еще до появления «Русских» И. В. Власова под руководством В. А. Александрова работает над темой системного этнографического описания севернорусских территорий и продвижения этой традиции (локальной и общерусской) на восток — в Предуралье и Зауралье, в Западную Сибирь. Пермью завершается это своего рода картографирование общего пространства «новгородской традиции». В ее возможности решать масштабные проекты В. А. Александров убедился,

² На основе ее была сделана фундаментальная монография: *Власова И. В. Традиция крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII в. М.: Наука, 1984.* Здесь уже ставится и общий вопрос о «традициях, переносимых русским населением при его миграциях, а также динамике их приспособления на вновь осваиваемых землях. Тем самым, — подчеркивает автор, — возникает возможность показать общность культурных явлений, свойственных русскому земледельческому населению, расселявшемуся по Евразийскому континенту» (С. 3). Свой подход автор называет «сравнительно-исторический анализ явлений, характеризующих социальные и хозяйственные особенности жизни населения».

когда появилась коллективная монография «На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII—XX вв.» (М., 1989) — итог работы нескольких лет в поле и в архивах.

Александров видит, что Власова поступает в своих работах дифференцированно, умело сочетая частное с общим. С одной стороны, в работу включаются отдельные исследования по этнографическим комплексам (землепользование, семья, община). То есть у работы есть частный уровень. С другой стороны, в этих работах присутствует и общий момент. Сама Власова, как руководитель Пермских экспедиций, пишет главы, где миграция севернорусского населения рассматривается как процесс перенесения, трансляции традиции на расстояние. В новом месте севернорусская традиция встречается с новой этнической реальностью, новыми природными особенностями, а значит, и хозяйственной повседневностью. И здесь складывается видоизмененный вариант старой традиции.

Для этнографического описания территории И. В. Власова использует комплексный подход. Объективные данные общего характера, полученные средствами топонимики, антропологии, археологии, ономастики, диалектологии, демографии и ряда других наук, как раз и позволяли определиться с границами этнического пространства. Заполнение же этого пространства необходимой структурой было следующим этапом исследования. Сама она так пишет об этом: «Это предпринималось для того, чтобы выявить этнокультурное районирование изучаемой территории и сопоставить разные ареалы на ней — археологические, антропологические, диалектологические с этнографическими, и таким образом исследовать как местную этническую историю и народную культуру, так и развитие севернорусской культуры и ее общерусских черт» (Русский Север, 2001; 10). Она определяет, как этнически маркируется пространство, каковы особенности этой маркировки в центре и на периферии, как оно дробится под воздействием иноэтничных и инорелигиозных сил, какое влияние оказывает на него природный фактор.

Именно выработанный лично И. В. Власовой подход цельного описания региона исследования как самобытной этнической территории, и позволит В.А. Александрову выйти на пилотный и оригинальный проект «Русские». Безусловно, здесь сыграли свою роль и историческое время, и обстоятельства, в воздухе висел социальный и политический заказ на такой труд, особенно после появления обобщающих работ по славянам в России и за рубежом. Для Вадима Александровича такая работа также стала своего «лебединой песней», реализацией всего накопленного богатого опыта, прекрасного знания проблем формирования русского народа в историческом их ключе. Поддержанная дирекцией в

лице В. А. Тишкова, эта задумка на высоком организационном уровне получила скорое продвижение и реализацию. У этой книги было семь изданий: 1997, 1999, 2000, 2003, 2005, 2007, 2009. Надо подчеркнуть, что и в целом проект «Народы и культуры» именно в контексте выпущенного тома «Русские» обрел свои зримые очертания, свою особую форму, непохожую на все предыдущие советские труды общего характера. И в этом была заслуга и Ирины Владимировны Власовой. Важно отметить, что монография «Русские» потянула за собой и всю серию «Народы и культуры», это была планка и образец для всех последующих томов по другим народам России. «Русские» в новом — восьмом — издании стали последней книгой, над которой Власова работала, готовила новое ее издание и сегодня так важно, что скоро читатель увидит эту книгу в обновленном виде.

В первой главе книги («Образование русской историко-этнической территории и государственности») И. В. Власовой был написан параграф «Расселение и численность русских в эпоху Российской империи (конец XVIII—начало XX в.)». Но сам по себе этот параграф не показателен для стиля И. В. Власовой: в нем господствует динамика цифр и этнических макрофактов. В таком же ключе написаны и другие части текста с ее участием: глава четвертая — «Этнографические группы русского народа» и пятая — «Этнодемографическое развитие с 1917 по 1990-е годы» и ряд других материалов. Совершенно очевидно, что И. В. Власова, при всем объеме написанного для тома «Русские», так и не смогла здесь «по-своему» развернуться. Но «Русские» ее многому научили: во-первых, дали к возможности апеллировать к общерусской территории, дали почувствовать себя аналитиком. Но случилось, на наш взгляд, следующее: с одной стороны, автор получила возможность видеть и работать с общерусскими этническими процессами, знать и видеть этнографическую специфику регионов, с другой стороны, она не смогла в этой книге реализовать *свое понимание работы с «общим»*, над чем она работала в предыдущие годы. Заметим, что в «Русских» нет этого знаменитого власовского районирования. По одной причине: нельзя было выпячивать только Север подобного типа исследованием. Провести же такую работу по другим регионам Власовой было не под силу, а других исследователей не нашлось. Вот почему, при самом широком и качественном участии в томе «Русские» И. В. Власовой, он получился все же «александровским», а не «власовским». У монографии «Русские» сложились энциклопедические рамки, это был скорее расширенный фундаментальный справочник о русском народе и традиции, чем коллективная монография.

После выхода в свет «Русских», Ирина Владимировна, была вся во власти этой новой стихии — энергии, которую приобрела при работе над томом «Русские» и которую лишь в малой степени могла реализовать там. Поэтому сразу же после выхода в свет тома

«Русские» началась работа над самым крупным власовским проектом — фундаментальной коллективной монографией «Русский Север. Этническая история и народная культура. XII—XX века» (М.: Наука, 2001. — 848 с.), где на долю ответственного редактора и автора пришлось более 500 страниц текста. В монографии впервые было дано системное описание севернорусской традиции, как одной из трех частей единой общерусской традиции. Описывались не вообще «русские» (что мы наблюдаем, например, в замечательном труде Д. К. Зеленина) в их типологических чертах, а русские отдельного, самобытного севернорусского региона, с его уникальной историей, судьбой, культурой, церковной жизнью. Благодаря типологическому описанию севернорусской традиции стало возможным в будущем осуществить (при создании, конечно, адекватных этому трудов по южнорусской и центральнорусской традиции!) полномасштабное сравнение всех трех типов.

«Русский Север» имеет посвящение «памяти наших учителей В. А. Александрова и П. А. Колесникова», что указывает на его эталонный, образцовый характер. Во введении И. В. Власова пишет, что «вопрос об этнокультурном развитии тех или иных регионов России и Севера в том числе имеет теоретическое значение» (Русский Север, 2001; 4). Этот аспект для нее важен. Главная тема работы — «проблемы распространения общерусской народной культуры и роли севернорусского населения в этом процессе». (Русский Север, 2001; 4).

Здесь же автор упоминает о «создании русской этнической территории» и доли Русского Севера в этом процессе. Вот ее план описания этнического пространства Русского Севера: 1) этническая история; 2) сельские поселения; 3) население Вологодчины; 4) занятия населения; 5) крестьянская усадьба; 6) севернорусский костюм; 7) пища и утварь; 8) брак и семья; 9) свадьба; 10) рождение и воспитание детей; 11) похоронно-поминальные обряды; 12) религиозная культура; 13) народное искусство. При описании этнической истории основной упор делается на описание этнографических групп в рамках существования и взаимодействия трех больших зон (севернорусская, карельская и коми). Для автора этническое районирование, проведенное сначала на уровне этнической истории, это объективный каркас, который можно заполнять уже более частным материалом (поселения, занятия и т.д.), но при этом частный уровень, попадая в прокрустово ложе общего каркаса (строжайше выверенного технически измеряемыми инструментами — возможностями археологии, лингвистики, диалектологии, антропологии, ономастики и т.д.) тоже становится в какой-то мере общим явлением. В рамках общерусского контекста отдельный такой этнографический элемент (дом, вид одежды и т.д.) — это уже важный типологический признак общего характера.

В книге «Русский Север» процесс обобщения частных элементов общим контекстом доведен лично И. В. Власовой до уровня: поселение, население, занятия, усадьба, костюм, брак и семья. Поскольку работа была посвящена одному региону — Северу, в ней нельзя было проводить межрегиональные сравнительные исследования, но Ирина Владимировна вышла из положения, взяв за основу другой принцип сравнения двух частных явлений. Им стал временной подход — рассмотрение исследуемых ею комплексов в историческом развитии. Так, например, в отношении крестьянского жилища она делает такой общий вывод: «локальные и этнические черты крестьянского жилища все более стираются (во времени. — О. К.), а вместе с ними исчезает и граница региональных усадебных комплексов» (Русский Север...280). По этому же принципу построены исследования пищи и утвари (Т. А. Воронина) и отчасти раздел «Похоронно-поминальные обычаи» (И. А. Кремлева). Другие «частные этнические комплексы» рассмотрены в книге статично, в рамках одного временного контекста.

Если же говорить в целом, то И. В. Власова справедливо считала поставленную задачу *пространственного этнографического описания* Русского Севера современными средствами выполненной. Вот почему в дальнейшем наблюдается ее теоретическая деятельность уже в ином направлении³. Важным во власовских коллективных монографиях (это тоже, кстати, особенности ее подхода) было введение, где очень емко обозначались общие задачи исследования, говорилось о методах. Здесь этническая история заселения получала дополнительные характеристики. Например, в последней изданной при жизни крупной коллективной монографии «Очерки русской народной культуры» (М.: 2009) во введении говорится, что на первое место для понимания этнических процессов у русских следует ставить феномен «миграции», на второе — «взаимодействие с разными народами», на третье — фактор природной среды, далее — уровни и общественного и социального состояния и, наконец, созданную людьми культуру как среду взаимодействия людей.

После начала двухтысячных годов в теоретических достижениях И. В. Власовой начинает наблюдаться новая линия развития, реализованная в нескольких крупных коллективных монографиях, начиная с коллективной монографии «Мировоззрение и культура севернорусского населения» (М., Наука, 2006) и заканчивая работой «Народная культура...». Уже посмертно вышел ее последний самостоятельный труд — монография «Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения» (М.: ИЭА РАН, 2015. -376 с.). Таким образом, в новый период (около 15 лет, вплоть до кончины) ее

³ Была еще издана по этой теме авторская монография: Власова И.В. Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 2001. – 280 с.

теоретический подход получил не менее солидную текстовую основу, чем в предыдущий — две крупных коллективных монографии и одну авторскую.

Эта линия может быть обозначена как исследование *этнического мировоззрения* как такового. От изучения этнического пространства И. В. Власова переходит к изучению этнического времени, этнической специфики проживания времени как реализованной в сознании и самосознании народа реальности. Для описания времени, которое проживает народ как этнос, она предложила использовать термины «этническое самосознание» и «этническое сознание» в своей трактовке. По мнению И. В. Власовой, и сознание, и самосознание являются отношением народа и его представителей к своей культуре, к созданной реальности и к окружающему миру. Описывая «отношение народа», считала Ирина Владимировна, мы описываем ту часть этнической реальности, которая является субъективной и потому имеет психологическую и социально-психологическую природу. Принцип «отношения» заставил ее считать, что кроме этнического сознания и самосознания существуют много других сознаний: крестьянское, дворянское, купеческое и др.

Важнейшим маркером этнического мировоззрения, показателем этничности сознания ей виделся язык: «Именно на нем, на осознании индивидуумом или сообществом людей собственного языка и языкового поведения и представлении о речевом поведении чужих, соседей, другого народа основывается этносамосознание» (Власова, 2006; 115).

Остановимся еще на выделении некоторых важных общих принципов, руководствуясь которыми Ирина Владимировна решала свои научные задачи. Так, она считала своим главным объектом исследования понятие «народ» (этнос) в его полноте народного бытия, а не просто отдельных «этнографических комплексах», артефактах и раритетах. Вот почему описание севернорусской традиции она доводит до уровня «работающей системы», а не просто «функции» или же «структуры», или оболочки «системы». В каждой работе она обязательно решает проблему контекстов или уровней: общерусский, региональный и далее — локальный.

Оригинальным было у нее понимание народного сознания и народной культуры⁴. В последнем случае — это была культура крестьян как сословия, сохранившего народные формы культуры. Народное, по Власовой — это общерусское. Как только исчезает этот общерусский уровень, уходит и народность. Народная культура живуча и сильна традицией, народным сознанием, опорой на мораль и нравственность. Что касается народного сознания, то оно имеет сложный характер: оно этнично, сословно и т.д.

⁴ См. введение к книге «Очерки народной культуры».

Для Власовой «русский вопрос» это не только недостаточная изученность русских, но и негативные проблемы (демографические, культурные и т.д.) в области воспроизводства русских как этноса и сохранения этнической традиции.

Ирина Владимировна Власова сама была человеком традиции, «человеком коллектива», поэтому ее труды, чаще всего коллективные, были возможны лишь в научном сообществе друзей и единомышленников. Без всего Отдела русского народа Русский Север не был бы покорен науке.

И. В. Власова внесла, безусловно, очень важный вклад в сознание будущей отечественной этнометодологической школы общего характера, макроуровня, наподобие «марксистско-ленинской советской этнографической школы» в советский период или т.н. «буржуазной школы» (в нынешнем варианте «западной»). Возможно, эта будущая макрометодология получит название российской как отражение именно теоретического опыта русских и в целом российских ученых. Но пока такой методологии нет.

Особенно, как нам кажется, важно отметить в теоретических подходах И. В. Власовой ее научный вклад в исследование общих закономерностей этнического пространства. Здесь Ирина Владимировна продвинулась очень далеко, и многие ее теоретические подходы, несомненно, лягут в общую копилку будущей российской методологии. Но вопрос об этнической идентичности является наиболее сложным, требующим каких-то новых знаний об этничности и новых подходов в ее изучении. Тем не менее, важно отметить, что Ирина Владимировна выделила для себя этот вектор исследования, определила его приоритеты и сделала первые шаги в этом направлении.

И. В. Власова действовала в своих теоретических изысканиях, опираясь на широкий круг источников (полевых, письменных, из смежных наук) и имея личное сердечное отношение к исследуемой проблематике. Она видела в этнической идентичности русских не абстрактный термин, а живую народную душу, от любимого ею северянина до просто русского человека. И это давало ей силы и такта нигде не переходить грани допустимого в оценках тех или иных явлений, не мифологизировать действительность, но и не умалять ее. Лучше не досказать, остановиться, согласиться с тем, что есть на нынешний момент.

И еще два слова хочется сказать о художественной стороне ее мировоззрения, о любимой ею поэзии и, главным образом, о вологодском поэте Николае Рубцове, столь много значившем для ученого Ирины Владимировны Власовой. Из оценок Ирины Владимировны, которые мне не раз приходилось слышать в частных беседах, ясно, что Рубцов (хотя они не были знакомы), можно сказать, входил в число ее «научных учителей», способствовавших ее становлению. От поэзии Рубцова она получила некий

звонкий «образ», искру народного чувства, позволившую другими глазами посмотреть на вологодские сельские избы, природный мир, вологодскую глубинку в ее растянутом пространстве редких поселений и еле светящего огня, словно собирающего этот разбросанный сельский мир в одно целое. Этого Ирина Владимировна не говорила, но Рубцова ценила и любила не просто как великого поэта, равного Лермонтову и Тютчеву в изображении «этнического чувства», но и как великого земляка, протянувшего ей руку дружбы из своего поэтического вологодского и общерусского мира. Она встречалась (в экспедиции) с писателем В. Беловым, называла его «Вася Белов», хорошо знала дочь писателя Александра Яшина и жену писателя, тоже земляка-вологжанина. Все это были ее важные точки опоры для художественного образа «севернорусской земли», без которого нельзя было изучать Вологодский край и понимать его народную душу.

Научная литература:

Александров В. А. Путь в историю, пути в истории (моя жизнь). М., 1998. С. 56

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья. М., 1964

Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. №6

Власова И. В. К изучению мировоззрения и самосознания севернорусского населения (по источникам XII—XX вв.) // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. С. 115.

Дмитриева С. И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. Отв. ред. И. В. Власова.

Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.

Русский Север. Этническая история и народная культура. XII—XX века. Отв. ред. доктор исторических наук И. В. Власова. М.: Наука, 2001. С. 10.